

фантастическая
история

Алексей Кулаков

На границе тьмы
ходят хитцы...

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

фантастическая
история

МОСКВА, 2011

фантастическая
история

Алексей Кулаков

На границе тучи
ходят хмѣро...

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

*Посвящается моим любимым женщинам,
маме и жене, — без них книги бы не было.*

А В Т О Р

ПРОЛОГ

То, что охота не задалась, стало понятно почти сразу. Мелкий дождик прямо-таки шептал: спать, спать... На следующий день ничего не изменилось, но все же, немного подзаправившись «жидким топливом», несгибаемые охотники выдвинулись на поиск какой-нибудь живности. Желательно косуль (на них даже лицензия имелась), но под вечер все согласны были даже на одинокого зайца — тогда было бы чем оправдать целый день бессмысленных шатаний по лесам и полям необъятной родины. Увы! Пришлось (как и всегда) отвести душу на пустых пивных банках и березовых чурбачках. Точку в этих немудреных развлечениях поставила начавшаяся на закате летняя гроза — красивая, с полыханием разрядов на полнеба, громом, от которого закладывало уши, и косыми струями теплого ливня. Все охотники, весело перекрикиваясь, потрусили к палаткам, а один решил снять буйство стихий на цифровик, для чего немного отошел в поле, где и принялся периодически сверкать вспышкой. Последнее, что все запомнили отчетливо, — двойная вспышка со стороны одинокого силуэта, слегка размытого в водяной пыли: маленькая — из его рук и большая, соединившая землю и небо толстым плазменным жгутом. Потом настало время запредельного ЗВУКА, раздирающего тело и сознание... Когда первые, кто очнулся, подбежали поближе в поисках своего товарища, их почти сразу и дружно вывернуло — от густого запаха горелого мяса. Тела никто так и не нашел...

Все, что я почувствовал, — как вспыхнул призрачно-белый свет. И еще вибрацию в теле, такую, что казалось, будто

рассыпаюсь на части. Темнота. Мягкая и обволакивающая, она стремилась растворить в себе, размывая любые мысли и желания. Со странным безразличием я просто ждал, но ничего не происходило. Постепенно я начал различать окружающее — стал виден поток черного... света и отдельные мягкие струи в нем, мерцающие множеством разноцветных искорок, иногда окутанных завораживающим и манящим серебристо-синим туманом. Одни искорки покалывали... ласково, что ли? Другие воспринимались как перекрученный клубок стальной проволоки с зазубринами на концах. Как долго это продолжалось, не знаю. Может, двигался поток, а может, я в нем. Понять было сложно. Постепенно внимание все больше и больше стала привлекать «ласковая» искра. Вот она вспыхнула особенно ярко и тут же затлела тускло-тускло, заслоняя собою все вокруг, незаметно вырастая в размерах, наливаясь силой, настойчиво притягивая и маня к себе, все ближе и ближе. Наконец все окончательно погасло, уступая ее настойчивому сиянию, вспышка и сразу следом — тьма...

ГЛАВА 1

Боль. Она жгучим огнем разорвала покой души и принесла ощущение жизни. Все пять чувств корчились от нее, вымывая из разума равнодушие — по капле, струйкой, полноводной рекой... После пришел черед Хлада, и от него трясло так, что даже ослепляющие вспышки света во тьме были не сразу осознаны. Но постепенно они стали восприниматься как... пощечины? С громыхающим скрежетом вернулся слух, и из размыто-серой пелены сразу прошелся напильником по нервам слегка «плавающий» голос:

— Юнкер? Вы меня слышите? Гм?

— Агхкхха... Гэ а?

— О! Он пришел в сознание, господин штабс-капитан!

— Благодарю вас, я это заметил.

Новый голос был гораздо глуше первого.

— Юнкер Агренов, вы слышите меня? Как вы себя чувствуете?

— Доктор, позвольте заметить — корнет Агренов!

— Для меня он прежде всего пациент, а все прочее...

Голоса отделились, и мягко подступившая, ласковая темнота укутала собою сознание, унеся его в беспамятство.

Он пришел в себя, как будто всплыл из толщи воды к солнцу и небу: плавно, мягко и немного растянуто по времени. Первое, что увидел, — это потолок. Грубо побеленный, в мелких трещинках — и взгляд тут же зацепился за одну из них, помогая прийти в себя. Постепенно возникло понимание: живой!!! Руки, ноги — все на месте и цело! Тело, правда, ломает так, как будто вагон с углем разгрузил. Слабой, словно чужой рукой провел по себе в поисках ожогов или ран... и... и... и хрипло каркнул:

— Похоже, крыша все же улетела!!

Правду говорят: утро оказалось заметно лучше вечера. Чужая память, а вернее, обрывки и куски ее, воспринималась теперь как собственная. К сожалению, информации крайне не хватало — но лучше хоть что-то, чем совсем ничего.

«Итак, что мы имеем?»

Вчера у юнкера Агренева был торжественный выпуск из Павловского военного училища и построение-парад по случаю получения первого офицерского чина — в высочайшем присутствии. Яркое солнце, звуки оркестра, нереально сочные цвета — и над всем этим гремит сильный голос... ага, начальника училища? Хм, может, и нет, но бывший хозяин тела явно трепетал перед его обладателем.

— Князь, поздравляю вас корнетом!

«Нормально, я еще, оказывается, и аристократ!»

— Благодарю вас, ваше...

На этом фильм-воспоминание резко оборвался, напоследок одарив слабым отголоском боли в висках. Отсортировав то, что осталось, он не смог даже определить, как его — м-да!.. — теперь звать-величать, то есть собственное имя и отчество. А когда-то звали Леней-Леонидом...

«А значит, что? Остается всем и каждому поведать о моей... гм... амнезии! И валить подальше от всех, кто знал меня прежнего, подальше и побыстрее. Потому как я сегодня не такой, как вчера, — и сильно не такой».

От размышлений отвлекло сильное желание посетить... сортир, как подсказала ново-старая память. Блин!!! Ну просто день открытый, чтоб их! Тело заметно «тормозило», как будто передвигалось под водой. Шаркнув ногой под койкой, он тут же выпнул наружу эмалированный тазик знакомой формы — утка обыкновенная, медицинская.

«А жизнь-то, похоже, налаживается, а?»

ГЛАВА 2

Отныне и навсегда он — князь Агрнев, Александр Яковлевич. После завершения торжеств по случаю окончания славного Первого Павловского военного училища, расположенного в не менее славном городе Санкт-Петербурге, он

был найден без сознания на полу рядом со своей койкой в казарме. Попытки привести в чувство успеха не имели, и безвольную тушку «обессилевшего от эмоций» князя на руках перенесли в лазарет училища, где он и провалялся пять дней, пока не пришел в сознание. Товарищи по учебе уже разъехались наслаждаться месячным отпуском, наставники большей частью тоже, на освободившиеся койки выпускников уже (и с немалым энтузиазмом) переселились довольные и счастливые бывшие первокурсники... перед тем как отбыть на сборы в Красносельский летний лагерь. Сейчас начало июня, и вообще, бедный он, несчастный сиротинушка... Последнее утверждение есть натуральный факт. Матушка умерла через три года после его рождения, а отец преставился пять лет назад (но и до этого не баловал вниманием единственного сына). Так что юнкер Агрнев всю свою сознательную жизнь жил и учился на казенном коште — то бишь на полном государственном обеспечении. Ко всему еще имел вполне заслуженную репутацию рохли и зубрилы, вежливо-предупредительного с учителями и курсовыми офицерами, но нелюдимого со сверстниками.

Все это удалось узнать из рассказов появившейся «сиделки-говорилки», то есть Старшего Лазаретного Служителя (только так, и желательно все с большой буквы), представившегося Николаем Исааковичем. Он читал для развлечения (явно своего) нотации третий час подряд. У-у-у-у!!! Когда «больной» уже решил было: все — умираю! — разговорчивого дядю позвали. Но! Оказалось, что радоваться было рано. Стоя в дверном проеме, Старший Лазаретный Садист... то есть конечно же — Служитель, просто раздавил своим обещанием вернуться поскорее, чтобы и дальше развлекать князя интересной и поучительной беседой:

— Конечно, если вы не будете спать, Александр!!!

«Да я и рад бы, но увы...»

Пока этот г... говорил — в сон клонило неимоверно. А только ушел, и сонливость мигом исчезла. Хотелось смеяться, прыгать и вообще... тело просило движения. Радость омрачало только одно обстоятельство: странные рефлексy, доставшиеся ему в наследство. Мало того, что все движения были уж очень «задумчивыми», так еще и выразить свое удивление

посредством крепких выражений ну никак не удавалось! Уже на втором-третьем слове губы и язык словно замораживало, а мышцы лица немели. Хорошо еще, что хотя бы про себя можно было облегчить душу. Встал, походил по комнатушке, набил немножко синяков — поочередно о тумбочку, койку и подоконник, проведая утку (по размеру больше похожую на тазик), прилег и незаметно как-то взял да и заснул.

Утром его разбудили в несусветную рань, и только для того, чтобы поинтересоваться: а не желает ли больной чего-нибудь? Так как спросонья вместо слов наружу просился только мат, то и получилось, что не хочется ничего — раз уж промолчал. Опять заснуть не удалось, поэтому Александр с раздражением встал, походил, умылся-облегчился и от скуки решил поработать над координацией. Именно поэтому, когда в палату зашел (и ведь даже не постучал перед этим, зараза) Николай Исаакович, он с удивлением и негодованием обнаружил, что больной грубо нарушает распорядок. Вместо того чтобы смиренно лежать на койке в ожидании обхода и энергично стонать, пациент старательно махал руками и ногами, разминаясь, да еще и песенку какую-то напевал! Неодобрительно поджав губы, Старший Лазаретный Служитель изволил сделать замечание:

— Вам следует лечь в койку, Александр! Завтрак будет только после осмотра...

И, уже обращаясь к кому-то снаружи, попытался приветливо улыбнуться:

— Прошу вас, Полиевкт Харлампиевич!

«Одуреть, что за имя».

Вошедший мужичка лет пятидесяти-шестидесяти, в коричневом сюртуке, с накинутой поверх него серовато-белой накидкой, сразу начал вежливо-приторно улыбаться.

— Ну-с, как ваше самочувствие?

— Благодарю... доктор, хорошее.

— Где-нибудь болит? Голова, живот? Нет?!

— Нет, ничего такого.

— Что с вами приключилось, не помните?

— Вообще ничего, доктор.

— Хм. Ну что же, давайте, голубчик, я вас осмотрю.

После стандартного осмотра — язык, глаза, уши, послушать сердце, посчитать пульс — и все это со значительным и глубокомысленным видом (а то как же, такое светило медицины), доктор, а скорее всего, простой медик, призадумался, мучительно решая: лечить пациента, и если да — то от чего?

— Ну, я думаю... что... все плохое уже позади, гм-гм. Нервический припадок, видимо. Да-с. Покамест еще немного полежите, мало ли? Да-с. А утром я вас еще напоследок осмотрю и... Кхм, да. Николай Исаакович, продолжим обход.

Минут через пять появился Служитель с долгожданным завтраком. Черт!

«Все-таки у всех больниц есть что-то общее. Там пичкали овсянкой — и здесь она родимая. На обед, видимо, будет пшенная каша с рыбной котлетой. Ничего, переживу, а вернее — пережую».

К счастью, был еще и сладкий чай с парой кусков белого душистого хлеба. И на обед с ужином тоже.

«Если тут больных так рано будят, во сколько же здоровые подсакивают?!»

За окном было еще темно, когда его растолкал бодрый старичок, благоухающий легким ароматом перегара.

— А?

— Вашбродь, пожалте освежиться.

— ?!

Жестяной тазик-купель, ведро с теплой водой и полотенце уже привычно сероватого оттенка — одним словом, местный заменитель душа.

Только ушел лазаретный служка — тут же появился господин доктор.

— Ну-с? Как вы себя сегодня чувствуете?

— Спасибо, гораздо лучше, чем вчера.

— Похвально, похвально. Встаньте. Повернитесь. Так, прошу вот сюда, поближе к свету. Ну что же, могу вас порадовать, голубчик, вы полностью здоровы. Да-с! Того, что с вами приключилось, вам стыдиться не следует, поверьте.

Все-таки выпуск из Павловского — это... э... не рядовое событие. Да-с. Гха. Э... да. Таким вот образом. Так что после завтрака вы можете покинуть лазарет, да-с.

— Благодарю вас, Полиевкт Харлампиевич!

— Ну что вы, голубчик, право же, это пустяки.

Завтрак молча принесли, молча плюхнули деревянный поднос на прикроватную тумбочку и так же молча удалились. Сервис, однако! Едва он запихнул в себя неопознанную размазню с тарелки и прополоскал рот чаем, тут же доставили одежду.

«Под дверью, что ли, стояли да прислушивались?»

Белая рубаха-куртка и темно-зеленые штаны. Тесноватая бескозырка, сапоги, начищенные и натертые так, что нужда в зеркале отпала. Ремень опоясал талию. Руки делали все сами, без участия разума. Легкий мандраж растворился в нахлынувшем безразличии.

— Веди.

Служка, подскочив (задремал, наверное), вытянулся как мог:

— Слушаюсь!

Шагая за шустро ковыляющим дедком, бывший пациент попутно рассматривал лазарет: окрашенный желтой краской деревянный пол, бежевая — на стенах, а все остальное — в грубой известковой побелке, даже откосы на окнах. Непонятный кислый запах повсюду и полная тишина, отчего их шаги звучали особенно громко.

«Чистенько и бедненько, нда».

Пара длинных коридоров, узкая и крутая лестница без перил — и в глаза ударил яркий свет утреннего солнышка.

— Благодарю.

— Рад стараться! Велено напомнить: вас ждут в канцелярии!

«Чем раньше отсюда исчезну, тем для меня лучше будет. Ага, вроде туда надо?»

Угрюмо-серое двухэтажное здание напротив лазарета и впрямь оказалось канцелярией — навстречу попались двое письмоводителей и важный господин с пухлой папкой в руках, подсказавший, куда пройти.

— Корнет князь Агренов, Александр Яковлевич?

Мелкий (по внешнему виду) чиновник изобразил полное равнодушие и вселенскую скуку.

«Это как там, по-уставному?»

— Так точно.

— Все давно готово. Попрошу расписаться: с вас вычет за порчу казенного имущества. Это я про те царапины на винтовке Бердана. И здесь. И в этом ордерочке. Вот ваши бумаги и предписание!

На стол перед бывшим (теперь уже точно) юнкером небрежно кинули большой толстый конверт.

— Вам следует поспешить, господин казначей будет присутствовать еще час, не более.

Выяснив, где тот сидит, корнет энергично двинулся за денежкой. Побольше бы таких сюрпризов — или почаще!

Казначей в чине надворного советника (работает автопилот-то!) при виде Александра недовольно скривился, но без проволочек выдал, три раза перед этим пересчитав, аж двести рублей — и тут же стал демонстрировать, как он занят. То есть шуршать бумагами, переставлять чернильницу на столе и все такое в том же духе.

«Ну-ну, какой артист пропадает. Практически никакой. Так! Как бы еще до своей комнаты добраться. Значит, медленно, можно сказать, печально и присматриваясь к окружающим — а на месте что-нибудь соображу. Надеюсь».

Увы, автопилот поломался на подходе к... Казармой ЭТО обозвать было нельзя — уж очень сильно мешал веселенький лиловый цвет стен и ухоженные, пышные клумбы с цветами на входе. Помогла наглость — она же, как известно, второе счастье. Наглость и дежуривший на входе нестроевик. Вежливо кивнув в ответ на приветствие, Александр добродушно улыбнулся:

— Не заняли еще мою обитель?

— Никак нет, ваше благородие!

— Да ладно, не тянись. Второй курс?

— Разъехался. Два дня еще тому.

— И где теперь мои вещи?

— У господина фельдфебеля на сохранении.

— А где его найти?

— Ну... у себя должен быть.

Подарив оставшемуся безымянным вахтеру на прощание армейскую мудрость всех времен и народов о том, что «солдат спит, а служба идет», князь отправился в фельдфебельские апартаменты. Уверенным шагом, неспешно и с некоторой ленцой. Стараясь при этом не напрягаться слишком уж сильно при виде очередного встречного солдата-нестроевика с тряпкой или метелкой в руках и не забывая отмахивать им приветствие. Хранитель его вещей был немногословен. Указав номер двери и уверив, что все вещи в целостности и сохранности (тумбочку так прямо от койки забрали, не заглядывая), фельдфебель небрежно козырнул напоследок и резво отбыл в неизвестном направлении — терроризировать подчиненных. Добравшись до заветной двери, Александр слегка удивился. Она была на надежном запоре в виде громадного и явно чугунного шпингалета.

«Да. До люкса далеко. Но все же лучше, чем в больничке. А нет, не лучше...»

Комната хоть и была просторнее, но имела небольшой недостаток — или несомненное достоинство, кому как. Ее стены на полметра не доходили до потолка, позволяя легко общаться с соседями или подсматривать. Впрочем, до последнего тут наверняка еще не доросли. Кровать, рядом его тумбочка, маленький стол, кривоватый стул. У входа громоздятся немаленький и сильно рассохшийся шкаф, рядом на стене — узкое зеркальце. Дом, милый дом. Бросив конверт на стол, к лежащей там стопочке книг, он завалился на койку. Уф, устал!!! Мыслей не было никаких. Вроде и надо бы удивляться, паниковать, строить планы, всячески суетиться — но все это заслонило собою угнездившееся в глубине души равнодушие. Лениво текли мысли:

«Как все странно. Может, с ума сошел? Такие реальные глюки. Последнее, что помню, — грозное небо. А потом что?»

От попыток хоть что-то прояснить жутко разболелась голова, резко, неожиданно.

— ... ..!

Кто-то ойкнул за дверью и с громким топотом убежал. А ярость... Ярость прошла так же быстро, как и появилась, забрав с собой и равнодушный настрой.

«Поживем-увидим».

Присев за стол, он стал потрошить конверт — что там у нас? Офицерская книжка, хех, предтеча военного билета. Новенькая, типографской краской пахнет. Дальше. О! Предписание!!! Любопытно, любопытно...

«Корнету князю Агрневу. Получением сего явиться к месту службы: Царство Польское, третий Варшавский округ, Келецкая губерния, штаб 14-й Ченстоховской бригады, не позднее первого июля сего года».

Неразборчивая подпись на полстраницы и скромная блямба синей печати.

«Опа! Царство Польское? Непонятно... и по времени — я опаздываю или можно не торопиться? А год-то какой?! Что-то подсказки нету. Так, посмотрим в военном, то есть в офицерской книжке. Ага. Одна тышша восемьсот восемьдесят шестой. О как! А родился я... в шестьдесят восьмом. Восемнадцать, значит».

Третий Варшавский округ. Хм! Непонятно откуда появилась твердая уверенность — пограничники.

«Опять автопилот шалит? Ладно, мелочи. Пограницы — это очень даже неплохой вариант, обычная пехота была бы куда хуже. Или, упаси господи, кавалерия или артиллерия — я ж там ни в зуб ногой. О службе в ВМФ даже думать страшно! Пограничники. Видимо, поэтому и корнетом записан. Да уж. Вот интересно: учебную программу училища... как там его... ах да — Павловского, помню отлично, а когда у тела день рождения — нет?! Смотрим в офицерскую книжку и... зимой, значит? Тоже неплохо. В плюсики пойдет еще и место службы — там меня никто не знает, а следовательно, и не заинтересуется, почему это поведение и манера общения юнкера... нда, корнета... корнета князя Агрнева так сильно и резко изменились. А через годик-два на все вопросы будет железная отговорка: все течет, все меняется! Ладно, что там далее? Хм, билет на поезд Петербург—Варшава. Мило, очень мило. Хотелось бы надеяться, что достанется купе, а не плацкарт. Или его тут еще не изобрели? Время отправления — шесть часов пополудни, первый перрон, открытый билет сроком на месяц. Не понял. Пополудни — это как? Ах, это восемнадцать часов! Тогда время еще есть, успею».

Что еще? Его внезапно осенило — текст! Все написано с ятями и всяческими завитушками, он же спокойно все читает. А написать? Чернил или карандаша под рукой не было, но они бы и не потребовались — появилась вдруг твердая уверенность, что и с этим делом все в порядке.

«А ну-ка! Кто нынче на троне?! Опа, знаю. Его императорское величество Александр Третий. Ее императорское величество Мария Федоровна-младшая... Цесаревичем недавно объявлен Николай. Вот блин! Ладно, потом разберемся, главное, чтобы оно было — это самое потом».

Быстрый взгляд на листок принес очередной поднадоевший сюрприз — милого Сашеньку поздравляли с окончанием, всемерно гордились, от всей души желали и надеялись... ага, конечно, оправдает, а как же иначе? И не забудет, угу. О, самое интересное — подпись: «любящая тебя тетя Татьяна Львовна». А говорили, что сирота. Обманули, сволочи! Подальше, подальше от нежданно появившейся родни, а письмецо отложить до времени подходящего, ради адреса обратного — вдруг пригодится? Обыск-осмотр комнаты начался со стола: а что это там такое интересное в стопочке лежит?

«Военная топология» — точно пригодится.

«Риторика» — уж наверно обойдусь как-нибудь.

«Закон Божий» — пожалуй, присоединим к «Риторике».

Две истрепанные тетрадки с конспектами, видимо, важных лекций легли на толстый томик «Топологии» — для возможного, но необязательного ознакомления с образцами почерка «донора»: как-нибудь полистает на досуге, сверит-проверит изменения. Ревизия в тумбочке дала следующие результаты, вернее — предметы: сильно истрепанную зубную щетку с невероятно жесткой щетиной, полупустую жестяную баночку с зубным порошком (судя по запаху — мятным), расческу с наполовину обломавшимися зубьями, маленький перочинный нож и темно коричневый обмылок. В самом дальнем уголке нашлась опасная бритва в замызганном кожаном чехольчике — но ничего так, целая, и даже марки «Золлинген».

«Вроде бриться пока не надо. Память о ком-то, наверно. Неужели об отце?»

Оставленный на десерт двухстворчатый платяной шкаф сразу оправдал все ожидания. Все, как и полагается нормальному дембелю из военного училища: парадно-выходной офицерский мундир, полевой мундир, еще какой-то там мундир. От души наполированные «хромовые» сапоги, кожаная португеза, офицерская шашка, ремень... и кобура! Ух-х! Не пустая!!! Парадка полетела на койку вместе с шашкой в ножнах, а в руке у Александра засиял большой револьвер с длинным стволом. Он сразу проверил барабан (увы, пуст) и всласть повертел оружие в руках, рассматривая и изучая. Первой обнаружилась выбитая на стволе надпись «Смечь-Вессонь Русскій. 4,2 линіи». Потом на рукояти — 1885, а с другой стороны — аккуратное клеймо завода-изготовителя.

«Хорошая игрушка! Увесистый, явно больше килограмма, но в руку лег хорошо. И самовзвод, увы, отсутствует, а... спуск легкий. Так! А патроны?! Нету».

Со вздохом сожаления он вернул револьвер в кобуру и вернулся к содержимому шкафа.

«Тоже парадка, но юнкерская. Бриджи, две сорочки. Ха — подштанники! Фуражка от парадно-выходного мундира, бескозырка к форме юнкера, полотенце... из брезента, что ль? Всякая мелочь вроде носков, платков и перчаток, вакса с щеткой энд тряпочкой-бархоткой, кусок бечевки — повеситься, наверное, хотел?»

Разочаровал большой чемоданище, весьма потрепанного вида — своей пустотой.

«Похоже, что все?»

Пяток минут помедитировав на вновь извлеченный из кобуры «вессон», корнет принялся не спеша переодеваться. Свежее исподнее, бриджи, белопенная сорочка, сапоги.

«Слегка сменил, хе-хе, имидж, а уже чувствую себя совсем другим человеком».

Мысль эта так рассмешила Александра, что успокоиться удалось только минут через десять, когда заломило затылок и заболели скулы — от передозировки смеха. Плотно упаковал в чемодан мундиры и все, что выглядело более-менее ценным (не влезли только новенькие брюки от юнкерской «повседневки»). Подумав, все же выложил потрепанный китель,

потому как штаны уж точно пригодятся, а куда ему, ныне корнету, удастся пойти в стареньком юнкерском кительке с вензелями Павловского военного? Решив напоследок, что не дело оставлять все валяться в беспорядке, он стал убирать лишнее на полки опустевшего шкафа. В ходе же процесса нечаянно пнул, по касательной, старый исцарапанный сапог — и сильно удивился.

«Чего там, стелька из чугуна, что ли? Точно, тайничок! Платок, завязан узелком. Ага, деньги! Сорок пя... пятьдесят пять рублей. И не мелочь, и приятно! Надо же, какие люди вокруг честные. Встречу фельдфебеля, рубль задарю. Дальше что? Вот навязал-то узлов, а? Часы. Серебряные. Гвозди ими забивали, и наверняка, потому что мимоходом не получится так качественно помять да исцарапать. Хм, тикать начали, значит, живы. А что у нас в правом? Зашибись, наконец-то патроны!!! Девять, пятнадцать... восемнадцать! Ну ващще, просто праздник какой-то!»

Надел мундир, утянулся портупеей (но в меру, без фанатизма), поправил перекосившиеся слегка ножны с режиком-переростком. Вложил в кобуру уже заряженный «смит-вессон» и со вздохом сожаления спрятал в чемодан, натянул перчатки, руки автоматом привычно проверили форму на складки. В зеркальце отразился бравый и очень юный офицерик, выглядевший немного моложе своих восемнадцати лет — зелень, одним словом. Не высокий и не низкий, с нежной кожей лица, подходящей более девице, чем молодому мужчине, блондин... Внешность настоящего арийца портили только глаза с радужкой невнятно-светлого, неопределенного цвета: то ли зеленые, то ли серые, может, синие, не понять толком — одним словом, мутные. И все равно настроение это не испортило.

«Кем бы ты ни был, мой предшественник, — спасибо тебе».

ГЛАВА 3

Присев на дорожку, тут же услышал тихий шорох за дверью.

«Нестроевики? Впрочем, какая разница — больше я сюда не вернусь».

Проверив перед зеркалом, достаточно ли у него суровый вид, князь подхватил неожиданно легкий чемодан. Вышел и, не обращая больше никакого внимания на «обслуживающий персонал», пошел на выход, по дороге старательно накачивая себя до нужного состояния.

«Я спокоен, я спокоен, я спокоен...»

Сильно стараться не пришлось — моментально вернулось ледяное безразличие, отодвинувшее на задний план все его переживания. Уже подзабытый Хлад.

Ефрейтор Мережков привычно скучал на посту. Пока не было курсового офицера, можно было поболтать с проходящими мимо товарищами, немного пройтись, чтобы размять ноги. Но на добровольное дежурство заступил штабс-капитан Хромов, и об этом осталось только мечтать. Потихоньку, а то и это заметит! Ничего не оставалось, как, замерев неподвижно, стоять и гадать, когда закончится его время. Скорей бы.

— Происшествия были, ефрейтор?

— Никак нет, ваше благородие!

— Все на месте?

— Так точно. Семь человек в увольнительной до вечера, остальные все в наличии!

— А как обстоят дела с...

Свой вопрос господин штабс-капитан так и не задал полностью, так как он услышал невозможное. Да что там — невероятное! По всей территории прославленного Первого Павловского военного училища разрешалось передвигаться только тихим шагом, не топя и не торопясь. Исключение было только одно — строевая подготовка у юнкеров. Вот тогда, наоборот, требовали (и добивались!) чеканных, отточенных движений, при которых любой шаг был слышен далеко вокруг, а стекла в окнах мелко дрожали. А тут! Да еще, похоже, и подковки набиты!

— Это кто это у нас такой?!

Фразу-вопрос, увы, тоже не удалось закончить. По мраморной лестнице со второго (жилого) этажа к ним спускался... И опытный офицер Хромов, и немало послуживший и

повидавший ефрейтор одновременно и неосознанно начали разглаживать несуществующие складки и морщинки на своей форме, что вообще-то полагалось делать только при виде действительно большого начальства. Начальника училища, генерал-лейтенанта Акимова Василия Петровича например. Приближавшийся же к ним офицер был в чине всего лишь корнета, но от него буквально разило властностью и уверенностью в себе. Подойдя ближе, офицер слегка повернул голову (у штабс-капитана в тот момент возникли ассоциации с корабельной башней главного калибра, выискивающей себе жертву по вкусу), что-то негромко проговорил и прошествовал далее. Первым в себя пришел Мережков, офицер хапнул впечатлений гораздо больше.

— Это... Ефрейтор, вы случайно не знаете, кто сейчас мимо нас прошел?

— Так точно, ваше благородие! Корнет князь Агренов!

— Да не может того быть! Неужели он? А не путаешь ничего?

— Никак нет, ваше благородие! Он мимо меня два часа назад прошел, сказал, собираться.

— Как же я его не узнал? Да уж. А ведь главный тихоня на своем курсе. Был. Вот что, ефрейтор, о случившемся молчать!

— Так точно!

— Не так громко. И... свободен на сегодня.

Проходя мимо появившегося на вахте офицера-наставника, Александр не забыл проявить вежливость:

— Всего хорошего, господа.

Подойдя к кованым воротам с гербом ПВУ над ними, молодой человек встал, всматриваясь через решетку в незнакомый город.

«В Ленинграде когда-то был проездом. Вокзал наверняка стоит на том же месте, и Зимний дворец. Еще Адмиралтейство — и все, больше ничего и не помню. А, и этого за глаза хватит! Если что — спрошу у прохожих, язык не отвалится».

Подскочившие караульные истолковали заминку по-своему. Двое бросились открывать во всю ширь ворота, а третий подбежал поближе и, вытянувшись, как полагается, громко рывкнул:

— Поздравляю получением первого чина, ваше благородие! Разрешите принять поклажу?

— ?!

Очередная порция откровений-воспоминаний подоспела вовремя, не позволив оплошать. Чемодан можно было смело отдавать: доставят на вокзал в камеру краткого хранения и выдадут по предъявлению билета с офицерской книжкой.

«Какой продвинутый сервис, однако».

— Вольно, бери. — И напоследок, совсем тихо и сразу всем троим: — Спасибо.

Не успел отойти от ограды, как к офицеру кинулся неоправданно (и небогато) одетый человек:

— Куда прикажете доставить, ваше благородие?

«Так это таксист? Извозчик то есть. На сто процентов — предок столичных водил-бомбил. Судя по напористости и наглости, конкретно тех, что пасутся рядом с аэропортами и вокзалами».

— Отвали!

— Э, виноват, ваше благородие, не расслышал.

Покосившись на караул, Александр решил не выделяться и быть попроще:

— Пшел вон.

— Ну как же так, ваше благородие? Рази можно ж вам — и пехом?

— Мне все можно.

«А еще сомневался. Они и через сто лет не изменятся».

По брусчатой мостовой идти было необычно. Приходилось внимательно смотреть под ноги и при ходьбе задирать их немного больше вверх, чем обычно, — иначе сапоги обязательно цеплялись за какой-нибудь выступ или щербинку. Приноровиться удалось не скоро, потому как на пути попадались и лужи, и конский навоз, да еще чертова железяка в ножнах! Справедливости ради нужно отметить, что отходо́в от четвероногого транспорта было немного — он крайне оперативно убирался расторопными дворниками. Как на подбор здоровенными, бородатыми мужиками в форменном фартуке и с обязательной номерной бляхой на груди.

«Не ввали старые фильмы. Вернее, костюмеры и реквизиторы, одевавшие в них актеров».

Минут через десять он дворников узнавал легко и с большого расстояния. А вон на перекрестке городской стоит: суровый взгляд, шикарные усы, китель из небеленого полотна, синие шаровары. Вроде у них к шашке еще и револьвер прилагается? Прохожие все одеты в одежду темных тонов, и никто никуда не торопится.

«А вот, кстати, который сейчас час?»

Повертев головой по сторонам и не обнаружив ни одного циферблата, он слегка забеспокоился: опоздает на поезд, ночевать придется непонятно где, может, даже и на улице — а этого очень не хотелось бы.

— Черт!

Попытка остановить прохожего и поинтересоваться временем не удалась — у первого часов не оказалось, второй безразлично пожал плечами, продолжая идти мимо, а уже третий поглядел с опаской и просто обошел его по большой дуге.

— Здравия желаю, вашбродь!

Только остатки безразличия не дали Александру подпрыгнуть или вздрогнуть — до того незаметно у него за спиной оказался городской.

— И вам того же.

— Могу ли я чем-то помочь вашему благородию?

— Да вот, заплутал слегка. Подскажите, пожалуйста, как добраться до вокзала?

«По ходу что-то не то брякнул, иначе с чего ему так удивляться? Не докопался бы».

Вместо ответа блюстителю порядка и законности резко свистнул, останавливая новенький фаэтон с щегольски одетым извозчиком за «рулем», и коротко назвал ему пункт назначения.

— Вот, доставит в лучшем виде.

— Благодарю. Еще не подскажете, который нынче час?

Даже не достав часы, урядник тут же ответил:

— Четверть пятого, вашбродь!

— Еще раз благодарю, всего хорошего...

Поглядывая по сторонам на пронсящие мимо виды, корнет не без интереса прикидывал: удастся ли еще побывать в этом городе? То и дело взгляд цеплялся за витрины с зако-

выристыми вывесками: «Салонъ мадам Блюмбергъ», «Галантерейя Трифоновъ и сынъ», «Ресторация Золотой Карпъ»... Вывески банков и многочисленных контор, афиши, разнообразно украшенные дома — все это вызывало определенный интерес и — опаску. Он здесь чужой (пока, а там посмотрим), значит, чем дальше от столицы, тем спокойнее.

Извозчик, получив в руки самую мелкую из оказавшихся под рукой ассигнацию достоинством в три рубля, долго мялся, жался и наконец виновато покаялся:

— Вашество, прощения просим, только нету у меня сдачи столько... Сей момент сбегая, разменяю.

— А? Иди-иди, я подожду.

Александр во все глаза смотрел надвигающийся паровоз: закопченная труба, клубы пара... машущий зеленым флажком путеец в форменной тужурке, суесящиеся носильщики с большими посверкивающими бляхами на груди, важный городской, стоящий на небольшом возвышении. Чисто, несуетливо, малоллюдно. Еще и тихо... относительно, разумеется: басовитое пыхтение паровоза и легкий гул встречающих-провожающих все же никуда не делись.

«Неужели все это реально?»

К жизни вернули две вещи. Довольный извозчик (уж наверняка не прогадал), запыхавшись, подбежал и вывалил на ладонь кучу липких медяков. И заурчавший от голода живот, оперативно отреагировавший на вид аппетитно жующего что-то явно очень вкусное человека в расположенном невдалеке летнем кафе.

Быстренько уладив все формальности в кассах и камере хранения, князь едва ли не бегом отправился в кафешку: живот уже не бурчал, а ревел, требуя срочно в него что-то закинуть — желательно хорошо прожаренное.

— Чего изволите-с?

— Отобедать у вас можно?

— Увы-с, только легкие напитки-с и закуски к ним.

Официант был искренне расстроен — а вдруг клиент уйдет? И чаевые с ним...

— А что за закуски?

— Осетринка, балычок, мясо разное, горячее... сыр... пирожные всякие, блины, икра паюсная...

«Я сейчас слюной захлебнусь! Или в обморок упаду, ненадолго. Как раз лицом в икру».

— Блинов неси и закуску мясную.

— Что будете пить?

— Лимонад есть? Вот его и буду.

— Сей момент, все исполним.

Наелся так, что едва смог встать из-за стола. Попутно понял радость извозчика — он оставил себе двугривенный, а все, что съелось и понакусывалось, обошлось в сорок копеек, да пятак чаевых официанту. При том, что порции такие, что лопнуть можно.

«Как же тут выпивают, если столько закуси треба? Или это для меня так расстарались?»

Посадка в вагон прошла буднично и серо: подошел, показал билет кондуктору, пропустил вперед носильщика с чемоданом и занял просторное купе. Когда состав тронулся, отдал на проверку билет все тому же кондуктору, отказался от чая, свежей газеты (как она может быть свежей в шесть часов вечера?!) и, дождавшись, пока за окном потянулись сельские пейзажи, завалился спать. Убаюканный мерным покачиванием вагона, он напоследок порадовался:

«Хорошо, что в купе один еду-уу!»

ГЛАВА 4

Проснулся под вечер следующего дня.

«Неплохо я придавил — почти сутки. Чего тихо-то так? А, стоим».

По-быстрому решив вопрос с гигиеной и туалетом, Александр выяснил у кондуктора время до начала движения и легкой рысью двинулся на поиски станционного буфета. Должен же он тут быть? Ожидания его не обманули: был, только не буфет, а маленький ресторанчик, и наплыва посетителей в нем не наблюдалось.

«Мне начинает нравиться новая жизнь».

— Чего изволите?

— Ужин. Поплотнее. И чего-нибудь с собою в дорогу — чтобы до Варшавы хватило.

— Будет сделано.

Такое впечатление, что ждали именно его. Труженик подноса и салфетки даже с места не сдвинулся: звонкий щелчок пальцами, быстрый жест, и на столе стали появляться тарелки, затем наполовину полный бокал с... вином, видимо, и на отдельном месте — чашечка чаю в комплекте с полупрозрачным ломтиком лимона¹. Минут через десять сосредоточенного жора пришло понимание — погорячился. Сильно.

«Жаба задавит, если все не съем. А ведь задавит, точно. Что тут за порции такие, сразу трем впору. Блин! Жалко оставлять-то! И с собой не забрать. Вот тут точно — все надкусаю, чтобы не так обидно было».

Отвалившись от стола, князь утер трудовой пот крахмаленной салфеткой и кивнул ожидающему невдалеке официанту.

— Прикажете рассчитать?

— Пожалуй.

Для приличия глянув в блокнотик, халдей скороговоркой протрещал:

— С вас два рубля с полтиною!

Офицер кинул на стол еще одну трешку, но в последний момент по улыбке официанта отчетливо понял — сдачи ждать не следует. И вдруг так захотелось проявить бережливость, просто жуть.

«Ну-ну, рано радуешься!»

— Ах да, еще бутылку легкого вина и какое-нибудь пирожное с собой. Это возможно?

— Разумеется...

Слегка поубавивший радушие официант через минуту вернулся с одним большим и одним маленьким пакетами в руках.

В купе корнет свалил всю свою добычу на столик и первым делом проверил, все ли вещи на месте. Вспоминая прошедшие дни, Александр решил, что нигде по-крупному не ошибся, ну а мелочи спишут на последствия обморока. Медик сказал, что нервического припадка. Знать бы еще, что это такое? Ладно, неважно. Прикинем, что ждет дальше?

---

¹ Впервые в истории класть лимон в чай стали в России в 1880-х гг. Мода эта распространялась через трактиры и рестораны. — *Здесь и далее примеч. авт.*

«Ченстохов, штаб бригады. Примут меня там, как молодого специалиста. То есть: подай, принеси, сбегай, спасибо, пошел на фиг! Образно, конечно, но так и будет, без сомнений. Радует, что не рядовым еду служить. Нда. Следовательно, выделяться не будем, начальство разочаровывать тоже. Кого ожидают, того и должны получить. Это первое. Надо срочно учиться общаться с окружающим миром, накатывающее равнодушие начинает сильно беспокоить. Это второе. Ну и третье, напоследок. Я же вообще не знаю, как управлять взводом!»

От таких оптимистичных мыслей разболелась голова, а еще, как бонус к дергающей боли в висках, начало покалывать в глазах. Забыться удалось с трудом и только под утро. Боль не ушла и на следующий день. И на следующий. Прощла только на третий, но кое-что после себя все же оставила. Память. Хороший такой кусочек переживаний, эмоций, надежд...

Свежеиспеченный корнет князь Агренов действительно оказался «ботаником» — классическим таким, образцовым, почти эталоном для других. Вечно не второй даже, а третий, с кучей комплексов, застенчивый и мечтательный до ужаса. Очень переживающий из-за того, что он до крайности беден и вечно на казенке. Папенька, не оставивший в ново-старой памяти даже малейшего образа, никогда не злоупотреблял чрезмерным общением со своим единственным отпрыском. Если верить обрывкам памяти, так папуля вообще не помнил о том, что у него есть наследник. И умер от обильно-систематических возлияний, оставив после себя на удивление много долгов и трехкратно перезаложенное по закладным, основательно, можно сказать — старательно, запущенное поместье. Поместье продали, долги погасили, а сироту... его почти сразу взяла на попечение сестра матери, та самая Татьяна Львовна, и с пяти лет растила вместе со своей дочкой. Мама, мамочка... В памяти остались размытые образы: светлый силуэт, теплые руки, родной голос. Маленький светлый уголок в черной тьме отчаяния — слишком маленький уголок, увы. Учеба в Александровском кадетском корпусе и постоянные насмешки сверстников, отсутствие друзей и первые комплексы. Золотая медаль как лучшему ученику, поступление в

Павловское военное училище, иступленная учеба — и все же насмешки, насмешки, насмешки... Да, он князь. Древнего рода. Рюрикович!¹ Вот только нищий и бессильно терпящий ехидные замечания и незлые вроде шуточки почти от всех вокруг. Последней каплей стала беседа со старшим наставником — единственным, кому он хотя бы немного открылся.

— Несмотря на... кхм... твои обстоятельства, Саша, я верю, что ты... э... станешь достойным человеком и хорошим офицером. В обычных полках тебе делать карьеру будет затруднительно, а меж тем, служа на границе, ты бы мог устроить свою судьбу наилучшим образом — поверь мне, Саша, я знаю, о чем говорю.

И этот не забыть напомнить про «обстоятельства». Рапорт по поводу будущего места службы и безразличие к дальнейшей своей судьбе.

Затем — построение, речь начальника училища, поздравление от его императорского величества Александра III, присвоение звания, восторженные лица сокурсников, приказ о присвоении звания под погоном. А внутри ширится пустота, и все больше и больше хочется уйти. Темнота — и долгожданный покой.

«Веселая жизнь у парня была»

На одной из станций Александр прикупил толстый блокнот и карандаш — записывать умные мысли. Свои, конечно. А также строить планы. Нет, не так. ПЛАНЫ! На первом листе появилась лаконичная запись:

ДЕНЬГИ???

Как молодой, с пылу с жару корнет может приподняться финансово в Российской империи? Вариант первый: верно и усердно служа Отечеству, не жалея чего-то там (и кого-то — особенно свое непосредственное начальство) во имя царя-батюшки и т. д. и т. п. А где-то года через три-четыре, начать расти в чинах и по службе. Или не расти, тут уж

---

¹ Агреньевы вели свой род от Тверской линии Рюриковичей, а потому к императорской фамилии Романовых никакого отношения не имели.

как повезет. Вариант два: удачно жениться на большом приданом, после чего послать армейские тяготы на... куда подальше и жить в свое удовольствие. М-да. Как-то не очень хочется быть альфонсом. Да и желающих, с заметно более высокой квалификацией, в деле обольщения богатых невест уж наверняка и без него хватает. Вариант три: взять и совершить подвиг. Разумеется, на глазах у начальства! И заметят сразу, награды (плюс денежки) появятся вместе с перспективами. Не, не подходит. Лишнего внимания привлекать нельзя. Да и надорваться ненароком можно, подвиг совершая. Вариант четвертый. Э... что-то нету пока. Но будет, непременно будет.

«Собственно, почему именно служба?»

Сразу подать в отставку, к сожалению, никак не получится, необходимо три года погеройствовать, отрабатывая долг государству Расейскому. Но потом-то препятствий не будет? Вроде бы. Этот вопрос надо уточнить. А раз не на военной службе, а на гражданке (хе-хе, может, и в прямом смысле, зарекаться не буду), то давай-ка подумаем. Какими такими уникально многообещающими навыками я обладаю? Учился — сначала закончил на «отлично» строительный техникум (их как раз начали переименовывать в колледжи, вот только это было единственное изменение), затем помучился четыре курса в институте на химическом машиностроении. Помучился да и бросил — неинтересно стало. Потом работал прорабом, правда, недолго. Ставим плюсики. Любил погонять на авто и покопаться у него под капотом. (Помнится, пришлось как-то изрядно повозиться с отцовской «Волгой М 21», когда он ее всадил в столб — последний, кстати, такой ласки не перенес и упал; да и не только с ней, спасибо нашему и забугорному автопрому.) Еще с десятков вполне освоенных и изученных профессий: столяр-станочник или, к примеру, электрик и сварщик... корявый, правда. Не, все не то. Ух! Есть!

Постоянные выезды с друзьями на охоту, пейнтбол и периодические (иногда раз в полгода, хе-хе) занятия рукопашкой. Все это способствовало легкому фанатизму на оружейную тему: «бенелли», «рысь», «ремингтон-840», тюнингованные раритеты вроде «мосинки», маузера К-98, «ли-энфиль-

да», макеты отечественных пулеметов времен Великой Отечественной, разные модификации всех побочных отпрысков АКМ, как то: «сайга», «тигр», «барс», «лось». И у самого дома в сейфе хранилась тульская «вертикалка» двенадцатого калибра да дедовский еще СКС (от которого после всех улучшений и переделок только название с клеймом и осталось — Ижевского оружейного). Неудачные попытки научиться скоростной стрельбе из пистолета (а также непреложное правило тира: сам стрелял — сам и чисти!) принесли отличное знание ТТХ: ГШ-18, «макарова» (чтоб его!) ТТ, нагана и предмета тайной и явной гордости инструктора Валентина Сергеича — браунинга «хай-пауэр», который так понравился тогда ученику, что тот не поленился оформить лицензию на газовый ствол и прикупить его реплику.

«А если покопаться в памяти, наверняка еще что-нибудь этакое вспомнится, и мно-ого!»

За два дня, оставшихся до прибытия на место, Александр исчеркал блокнот почти полностью, записывая все, что только вспоминалось и придумывалось. Самые бредовые идейки и предположения, обрывки мыслей и воспоминаний — глядишь, что-то и пригодится. А заодно прислушивался и присматривался к манере общения своих попутчиков, готовясь к первому серьезному испытанию, то есть к общению с большим начальством.

ГЛАВА 5

Ченстохов встретил его легким дождиком и тончайшим запахом березового дыма. Разбитые мостовые, многочисленные лавки, каменные лабазы, протянувшиеся за горизонт, множество торгового люда, вдвое больше простых работяг: перегружающих, таскающих, сортирующих и громко орущих при этом. Навстречу вылетел улыбающийся «водитель кобылы», вернее — чалого мерина.

— Куда едем, ваше благородие? Мигом долетим!

«Действительно... чего ноги мучить?»

— Штаб четырнадцатой бригады, и не гони...

Доехали за пять минут — по лужам и грязи, по узким кривым улочкам, попутно едва не задавив важного гусака и пару голенастых куриц. Ограды или хотя бы часовых не обнаружилось, что позволило спокойно пройти по коротенькой аллее до самого штаба. Но все же караульные были — внутри здания. При виде корнета они моментально вытянулись, отдавая честь «по-ефрейторски». Тем временем, выбравшись из-за углового столика, уже спешил к незнакомому офицеру пожилой унтер...

— Здравствуй, брат! Караульный начальник младший унтер-офицер Пудовкин. Кому и как прикажете о вас доложить?

— Согласно предписанию, явился в штаб бригады для получения приказа о дальнейшем прохождении места службы.

— Извольте следовать за мной.

Шагая по натертому чем-то блестящим дубовому паркету за своим проводником, князь заодно поглядывал по сторонам, но особенного ничего не высмотрел — одно слово, очередной казенный дом. Высокого начальства тоже не увидел, по причине его отсутствия (и хорошо), все вопросы решила недолгая беседа с бригадным адъютантом, штаб-ротмистром Прянишниковым, кратко разъяснившим молодому офицеру некоторые тонкости службы. К примеру, бригада делилась на отделы, отделы делились на отряды-заставы, и Олькушский отряд, а точнее, его второй взвод, уже полгода плакал и ждал, когда же Александр приедет к ним.

— Командует четвертым отделом подполковник Росляков, Валериан Петрович, штаб расквартирован в городке Олькуш, Меховского уезда, Келецкой губернии. Непосредственным вашим командиром будет штаб-ротмистр Блинский. Ах да! Вам еще в обмундировальную мастерскую, и не забудьте зайти к казначею, получить аванс. Советую вам, князь, построить второй полевой мундир именно тут. Потому как в городке портные похуже будут, уж поверьте мне на слово. Да-с, последний вопрос, ежели позволите: где вы остановились?

— Пока нигде, господин ротмистр. С вокзала — сразу в штаб.

— Похвально, весьма похвально, князь. Опять же рекомендовать воспользоваться гостевыми апартаментами на втором этаже. Когда будете отправляться, прошу захватить несколько писем для вашего отряда, так сказать, попутно. Удачи!

— Благодарю за беседу, господин ротмистр!

Мастерская имени мундира была закрыта на большой и ржавый замок. Зато казначей был на месте. Он недовольно отсчитал жидкую стопочку ассигнаций и с надеждой поинтересовался:

— Вам уже приходилось у нас бывать?

— Нет, как-то не довелось.

— Вам понравится, уверяю! Особенно площадь с фонтаном — там иногда прогуливаются такие прекрасные паненки. Да-с! Кстати, если вам еще не порекомендовали портного, то я могу помочь. Или вы уже?

«Когда бы я успел, если деньги только сейчас получил? Что-то крутит этот господинчик».

— Я был бы вам весьма признателен.

Казначей заметно оживился:

— Улица Пястов, дом 5, заведение пана Стоцмана. Это почти в центре. Вы не пожалеете — в мундиры его работы одеты почти все. Да-с! Ну, не буду вас задерживать, корнет, всего хорошего.

Вспомнив штаб-ротмистра Прянишникова, Александр шелкнул каблуками и коротко кивнул:

— Честь имею.

Не спеша шагая на поиски «строителя мундиров», он задумался:

«Здесь еще помнят, что такое честь и достоинство. И не переспрашивают, недослышав: кого ты там имеешь? Или это я такой пошляк? А «построить мундир»? Слово-то какое. Не «сшить», «не купить» — а именно «построить»! Хорошо еще не говорят «сколотить». Надо бы, кстати, прибараклиться с запасом».

Город, откровенно говоря, не впечатлил, потому как тянул максимум на маленький городок. Улочки не только маленькие, но еще и запутанные, дома в основном обшарпанные, разбитые мостовые... Причем не везде, да и гулять на-

строения не было. Порасспрашивав двух попавшихся на-встречу жандармов, заметно удивленных самим фактом обращения к ним офицера-пограничника, он быстро добрался до лавочки-магазинчика под вывеской «Общества военных товаров». Внутри обнаружился дремавший парень лет этак двадцати пяти, и, судя по улыбке, во сне он наслаждался просмотром комедии или легкой эротики. На полках и прилавке стояли бесчисленные ящички, сверточки, баночки, коробочки, а над всем этим плыл стойкий запах ванили. Так и не дождавшись признаков активности от сони, корнет взял да и пнул массивный прилавок.

— Чего изволите, ваше благородие?

«Ну, блин! Просто фокусник! Ведь только что спал, а уже за прилавком, сна ни в одном глазу, изогнулся угодливо, весь в ожидании».

— Вы кто?

— Приказчик Яков, господин офицер, чем могу вам услужить?

Помолчав немного и быстро прикинув состояние финансов, Александр начал медленно перечислять:

— Нужны: два полевых кителя, четверо бриджей, нательное, сапоги...

По мере перечисления глаза у приказчика все больше и больше разгорались в ожидании большой прибыли. Князь говорил, а Яков быстро выставлял на прилавок.

— Офицерскую сумку, три блокнота потолще и самой лучшей бумаги. Карандашей штук десять. Мыло, пару банок ваксы.

— Патроны к «смит-вессону» есть?

— Конечно-с, как не быть. Имеются в пачках по двадцать и по пятьдесят штук. Какие прикажете?

— Четыре по пятьдесят. — Подождав, пока соберут и упакуют все покупки, корнет поинтересовался: — Форма?

— Сей момент приступим, ваше высокоблагородие!

«О! Я уже и в чине подрос»¹.

Приказчик исчез и вернулся в компании типичного еврея-портного. Грустные глаза, тряпичный аршин на тощей

¹ Высокоблагородием в армии называли офицеров в чине от капитана до полковника.

шее, большие ножницы, торчащие из чехла на поясе. Но мастером он оказался изрядным: за два часа подогнал всю форму, немного расширил шинель, и все это молча, за что Александр был ему особенно благодарен.

— Сколько я вам должен?

Портной помялся и нерешительно ответил:

— За работу пять рублей, за форму — сорок.

Постаравшись сделать голос теплее, офицер поблагодарил, одновременно отсчитывая ассигнации прямо на раскроечный стол:

— За хорошую работу не жалко.

Зайдя в магазинчик к Якову, князь первым делом увидел его филейную часть, а затем услышал и бормотание:

— Где-то здесь? Или тут? Нету. Ага, значит, тама!

Уже опробованное средство не подвело и на сей раз — только с другой ноги. БУХ! Оп! И опять чудеса акробатики — приказчик неуловимо быстро выпрямился и повернулся лицом к прилавку.

— Не извольте беспокоиться, все уже собрано, упаковано, ждет-с.

«Оборотистый малый...»

Подпустив холода в голос, Александр поинтересовался:

— Сколько с меня?!

— Соро... тридцать рублей ровно, ваше высокоблагородие!!

В последний момент приказчик решил не рисковать и ограничиться обычной нормой прибыли, а то мало ли.

— Куда прикажете все доставить?

— Где штаб четырнадцатой бригады знаешь? Вот туда, для корнета князя Агренева.

— Не извольте сомневаться, все сделаем в лучшем виде!

— Ну-ну...

Не слушая больше уверений, что, мол, прям сейчас и вприпрыжку, князь вышел на улочку и двинулся на поиски места, где можно вкусно и недорого поесть. Точнее, пожрать, кушать хотелось утром, в полдень хотелось поесть, а теперь было желание именно пожрать — да побольше, побольше! Поплутав немного и не найдя ничего подходящего, он подошел к городовому. Выслушав туманные и косноязычные

объяснения, понял: с городовым на этот раз не повезло. Плюнул. Отойдя немного, остановил первый попавшийся экипаж и выдал извозчику маршрутное задание:

— Где у вас тут можно пообедать вкусно и недорого? Вот туда и едем.

— Разрешите обратиться?! Представляюсь по случаю прибытия на службу — корнет князь Агренов, Александр Яковлевич.

Средних лет офицер с такими усищами, что непроизвольно вспомнились байки про Буденного, одобрительно хмыкнул и не поленился встать и сделать три шага навстречу.

— Штаб-ротмистр Блинский, Сергей Юрьевич, команду Олькушским пограничным отрядом. Присаживайтесь, корнет, поговорим.

Беседу прервал обед, на который его, не слушая возражений (и не думал отказываться, если честно), пригласили. После часового монолога Сергея Юрьевича отчасти стали понятны причины такого радушия.

— Если бы вы только знали, князь, как мне надоело гонять всех этих воров и мошенников! Они как тараканы вездесущи — поймаешь одного, десять разбегутся! Вы же понимаете, у меня много обязанностей и, помимо этого, бесчисленное количество важных дел, и все они требуют полной отдачи сил, поэтому ваше назначение для всех нас...

Слушая разошедшегося после бокала вина собеседника, Александр удивленно думал: «И это командир погранзаставы? Понятно, почему они никого поймать не могут — все силы на говорильню уходят. Ужась все, что он на меня вывалил, выкинуть все лишнее, и в остатке получится что-то вроде: ты, молодой, послужи, а дедушка отдохнет. Хм, самое интересное, что я и не против».

Достоинно поддержав беседу пересказом последних столичных новостей, вычитанных из газет во время поездки, князь окончательно стал «молодым, но подающим очень большие надежды» офицером, после чего Александра за пять минут ввели в курс его служебных обязанностей.

— Примете под командование второй взвод, расквартируетесь рядом с корнетом Зубаловым, я вас позже ему представлю. Отрядному фельдфебелю я укажу, он все устроит. Ознакомиться с личным составом когда планируете — сегодня, завтра?

— Пожалуй что, завтра.

— Да-да, я вас понимаю, все эти хлопоты! Ничего, думаю, вам у нас понравится.

— Несомненно, господин ротмистр!

— Ну что же, корнет, ступайте устраиваться.

Новый дом Александру пришелся по вкусу: трехкомнатная уютная квартирка на втором этаже утопающего в зелени деревянного дома-особнячка. Впрочем, в приграничной деревне Олькуш (как ни странно, и городок такой имелся, и деревенька) все строения были из дерева. Исключение составляла отрядная канцелярия, где заодно была офицерская комната и оружейная, она же — склад конфиската. Распоряжалась всем в особнячке миловидная женщина по имени Дарья, сходу попытавшаяся организовать еще один обед, но согласившаяся ограничиться пока подогревом воды для ванны. Под вечер появился прихрамывающий солдат лет тридцати, на удивление робко отрапортовавший, что он денщик «его благородия командира второго взвода» по имени Савватей.

«Получилось! Никто не сомневается в том, что я — корнет Агрнев, а значит, у меня получится все остальное. Все, что захочу и смогу. Новая жизнь, новые возможности».

ГЛАВА 6

«Вроде только закрыл глаза, а уже пора вставать!» — сонно чертыхнулся Александр, просыпаясь от «звонка» живого будильника, оравшего свое «кукареку» с завидной точностью — ровно в пять тридцать. Прошло две недели, как он стал офицером русской императорской армии и очень родовитым аристократом, и все это время лениться не приходилось. Взвод ему достался разнородный, скажем так. На пятьдесят пять человек списочного состава приходилось всего

пятнадцать послуживших и много повидавших ветеранов, остальные — зелень, «новички», салаги, из которых большая часть поначалу имела проблемы с дисциплиной. То есть спокойно пили до и после службы (а особенно одаренные и во время, но с изрядной опаской), да еще и подрались некоторые были далеко не дураки — в свободное от служебных тягот время. Старший и младший унтера, конечно, старались поддерживать дисциплину на уровне, но старые привычки одолеть не так-то просто.

Штаб-ротмистр Блинский чаще всего отсутствовал «по неотложным делам», в основном в Ченстохове. И штаб рядом, и прекрасные дамы недалеко. А еще штаб-ротмистр спал и видел, как он становится ротмистром и службу свою продолжает в штабе, поначалу бригадном, потом окружном — и так далее. В его отсутствие всю бумажную работу доверили... правильно, молодому, но ужасно перспективному корнету, князю Агреневу. Последний из трех офицеров отряда (вообще-то по штату их должно было быть четверо, но, учитывая хронический дефицит молодых офицеров, а вернее будет сказать, военных училищ в империи...), командир третьего взвода корнет Зубалов, вообще уже полгода как подал рапорт с прошением об отставке с действительной военной службы и самозабвенно готовился к поступлению в университет. Вот только все не мог никак решить, кем же он хочет стать: юристом или... может пойти по сельскохозяйственной части, на агронома? Такое поведение попросту не укладывалось в голове у Александра, потому как контрабандисты были не безобидными овечками, сшибающими детишкам на молочишко, а натуральными бандитами без тормозов: при встрече стреляли не раздумывая и засадами очень даже не брезговали. И что самое печальное — сильно недолюбливали офицеров, выражая свою неприязнь всеми доступными им способами. К примеру, поручика Глокке, что командовал взводом до Александра, в одной из стычек просто забили прикладами насмерть. Говорят, так и привезли заиндевевшего, с размочаленной вдребезги головой, с брызгами крови и мозгов на шинели. С таким добросовестным отправлением служебных обязанностей у господ офицеров совсем неудивительно, что и первым взводом, и всей ротой (пока было

привычнее отряд называть именно так) потихоньку управляя Трифон Андреевич, пожилой и опытный отрядный фельдфебель. Хозяйственные дела, вопросы расстановки секретов и дозоров, очередность увольнений, выдача месячного денежного довольствия... Сегодня с утра по плану, составленному самим же Александром, был первый пеший обход «владений», на предмет еще раз все осмотреть, подробно и не спеша, составить свое мнение и решить, как тянуть службу дальше. Через час после пробудки, аккуратно к окончанию завтрака, появился «экскурсовод» — старший унтер Мохов, к «труду и обороне» подготовленный значительно лучше, чем корнет: винтовка на правом плече, сабля в потертых коричневых ножнах на поясе, рядом с двумя вместительными под сумками, явно не пустыми.

«Хм... последуем примеру опытного человека».

К глубокому сожалению, все, что было возможно, — так это взять патронов побольше, потому как винтовки офицерам не полагалось. Хотя, конечно, можно было бы и прихватить свободную берданку в оружейке, но попросту одолела лень-матушка. Тащить такую тяжесть... по такой жаре!

Выйдя за околицу, корнет с унтером начали петлять от столба к столбу, пересекая по пути лесочки, ручейки, луга и рощицы, обходя овраги и заросли колючего кустарника. Через каждые пятнадцать-двадцать минут унтер «находил» очередной секрет или дозор и коротко справлялся у них:

— Все тихо?

На что следовал один и тот же ответ:

— Угум!

Пройдя таким образом верст десять, присели на поваленный ствол старой сосны — отдохнуть в тенечке.

— Вот, вашбродь, большую часть прошли, еще три секрета глянем — и обратно.

— Хорошо...

Потянувшись всем телом, офицер расположился на бревне поудобнее, настраиваясь на долгий разговор.

— А скажите мне, Мохов, как вас по имени-отчеству?

— Семен я, а батюшку Василием звали, — с запинкой ответил старший унтер, слегка удивленный таким явным интересом именно к своей персоне.

— А давайте-ка поговорим по-простому, без чинов, Семен Васильевич.

— Так точн... э-э?

— Вот и договорились. А скажите мне, Семен Василич, как часто у НАС пошаливают? А то прямо опаска берет, как послушаю историй разных.

Поначалу собеседник князя отвечал на все вопросы односложно и с явной настороженностью, но постепенно разговорился, и сведения полились полноводной рекой, рисуя правдивую картину происходящего на границе.

«Неслабо!!! Тихая война — вот как это называется. Короткие перестрелки не реже одного раза в неделю, раз в месяц у нас или у соседей раненые, а повсеместно считается, что тут тишь да гладь да божья благодать. Вот это я попал! Так, надо все хорошенько обдумать, а пока... Пора сворачивать разговор».

Задав пару-тройку вопросов о родных и близких старшего унтера, Александр познакомился со всей его немудреной биографией. Родился, крестился, женился... три дочери, сын-наследник, первый внук на подходе, а нажил — всего ничего. Два ранения, три благодарности да полдюжины медалей. Удачно вернув про свое сиротство и обучение на казенке, князь окончательно завоевал доверие Семена Васильевича, и дальше они продолжили путь не торопясь и переговариваясь прямо на ходу. К удивлению и зависти корнета, служивый при этом выглядел так, будто гулял налегке и недолго, в отличие от своего командира, который чувствовал каждый грамм веса револьвера в кобуре и прикидывал в уме, как у него вечером распухнут ноги. Что тут скажешь... ветеран! Уже на подходе к заставе комвзвода ненадолго приостановился:

— Вот что, Семен Василич. Наедине разрешаю обращаться ко мне по имени-отчеству. — Помолчав немного, продолжил: — Опыта вам не занимать, я же, как видите, им еще не обзавелся. Поэтому продолжайте... служить, как привыкли, куда я во все тонкости не вникну. И советами от вас я не побрезгую.

Внимательно вслушивающийся в слова начальника, унтер как-то по-новому оглядел Агренева и, степенно огладив усы, слегка кивнул:

— Благодарствую за доверие, Александр Яковлевич, не подведу!

Утро. Тишина, самый сладкий сон.

Кукаррекуу!

«Дождешься, царь курей, определю тебя в суп, будешь там орать!»

Петух этим утром надрывался так, что казалось, будто он голосит в рупор. Тело онемело и напрочь отказывалось двигаться.

«Я, похоже, вчера как упал в кровать, так и спал в одной позе, вот все и отлежал. Ух! Не все, оказывается, отлежал-то. Ох как ноги болят! А кто это там топают у меня в прихожей? Понятно, денщик пришел. О! Вот пусть он меня и отнесет в канцелярию, а то представить страшно, как я ходить сегодня буду. Эха-ха! Ладно, попытаемся встать, что ли?»

Сам себе корнет напоминал старенького дедушку, до того плавно и печально двигался, одеваясь. Заурчавший живот не дал довести до конца утреннюю гигиену и погнал за стол в одних бриджах. Зато после утреннего жора притихла ломота по всему телу, а уши запылали двумя флажками, тихонько радуя своим видом обычно невозмутимого Савватая.

«Это я разогрелся, пока ложкой махал?»

Медленно и осторожно Александр дошел до канцелярии, где, как и всегда, отсутствовал Блинский. Зато имелся отвратительно бодрый Зубалов, неподдельно обрадовавшийся прибытию собеседника.

— Утро доброе, Александр!

— Скорее, раннее, Андрей. Позвольте осведомиться, где Сергей Юрьевич?

— Отбыл на доклад в штаб, ну и... думаю, будет вечером. Кстати, вы слышали о крупном успехе на Белостокском пункте? Так-таки и не слышали?! Ну, так я вам сейчас все подробнейшим образом расскажу.

Слушая сослуживца, князь удивлялся: старше его на три года, а ведет себя как кадет-первокурсник! Подпрыгивает, размахивает руками, заливается смехом невпопад. Или это на него так достижения незнакомых ему офицеров подействовали?

— В тендере паровозном, вы представляете? Немного угля сняли, и ящики пошли — прямо видимо-невидимо! Точно никто не знает, но поговаривают, что одной только премии насчитали на 40 тысяч, вы представляете?!

— Простите великодушно — премии?

— Разве вы не знаете? Я думал, это общеизвестно, простите. Суть дела в том, что...

Из излишне подробных пояснений корнета выяснился один очень многообещающий факт: по существующим правилам, тот, кто перехватывал контрабанду, получал от десяти до двадцати пяти процентов ее оценочной стоимости; естественно, рядовым поменьше, офицерам побольше. Оценивали и вообще полностью распоряжались конфискованным чиновники из Таможенного департамента министерства финансов, и, разумеется, их расценки были самыми низкими из возможных — но все же, все же. Раскрасневшийся от обсуждения чужой удачи, корнет Зубалов с самым решительным видом убыл на объезд дистанции и наверняка с горячей надеждой отловить хоть какого-нибудь завалящего контрабандиста (желательно с длинным караваном лошадей, нагруженных так, что груз свисает до земли, ну, или с тючком чего-нибудь крайне дорогого в обнимку). Оставшийся в одиночестве (и долгожданной тишине) Александр решил не сачковать, а заняться делом: планированием и систематизацией информации, поднакопившейся за прошедшее время.

«Правду говорили, что человек привыкает ко всему. И месяца не прошло, как очнулся в госпитале и радовался, что жив, а теперь освоился и недоволен своим положением. Эх, где там мой верный блокнотик? Что мы имеем по границе? Итак, пункт первый: бегают через границу регулярно, как с нашей, так и с сопредельной стороны, но все же в основном с сопредельной к нам. Пункт второй: народу бегают немало, старший унтер вчера мимоходом упомянул, что в этом меся-

це уже трех отловили, а месяц-то пока не кончился. Умножаем это количество на десять, а вернее будет на двадцать, и получается, что «работают» на Олькушском участке госграницы от пятидесяти до восьмидесяти человек постоянно, трудятся не покладая рук и ног, хе-хе. Пункт третий: за такую популярность именно нашей зоны ответственности следует благодарить близость железной дороги из чужедальних краев в империю Российскую. Пункт четвертый: контрабандисты тут бывают двух видов. Первые (в основном с российским подданством) стараются проскочить тихо, несут, везут, тащат (нужное подчеркнуть), как правило, много и товаром, то есть его сохранностью, дорожат меньше, чем своей головой и здоровьем. При любом столкновении стараются быстро отступить. Это им плюс, кстати. Вторые гораздо хуже и в основном набегают со стороны двуединой монархии, Австро-Венгрии то бишь, будь она неладна. Стреляют первыми и не отступают до последнего: но и контрабанда у них самая «вкусная» — маленькая по объему, большая по стоимости. И первых, и вторых роднит одно: на оружии и экипировке они, как правило, не экономят, и зачастую единственное, что остается дозорам, — отступить и дожидаться подмоги от ближайших постов. Слава богу, взаимовыручка налажена. Пункт... ага, пятый уже: отсутствие внятной системы охраны. Сегодня секрет в одном месте, завтра — в другом... метров на пять левее или правее, дальше или ближе. Есть конные объездчики, но мало. Еще летучий отряд, но он на случай крупного прорыва и базируется в 15 верстах от отряда... можно сказать, его нет. Ко всему прочему, существует замечательный приказ с самых заоблачных высей, гласящий: в сторону сопредельной стороны стрелять категорически запрещается! Как хочешь, так и понимай — то ли это забота о бедных и несчастных «контрабасах», то ли опаска подстрелить чужого пограничника.

Ну и напоследок: контрабандой тут, по ходу, балуются все кому не лень. Под конец обхода унтер дважды показывал хутора — мол, если вдумчиво пошарить, обязательно что-нибудь сыщется, и немало. Да. Ведь это еще затишье пока, а вот через три месяца, когда начнут действовать новые пошлины, вот тогда пойдет движение».

Задумался так, что не сразу обратил внимание на зашедшего в офицерскую комнату старшего унтера, и тому пришлось негромко кашлянуть, привлекая внимание.

— Вашбродь, на седьмом посту нарушителя задержали.

— Давайте его сюда.

— Так это... Вашбродь...

Перебив унтера, корнет напомнил:

— Семен Василич, вы не тянитесь, доложите по-простому, я же вчера разрешил.

— Ну, это... секрет весточку прислал, что нарушитель на них вышел, так я сразу к вам. Вот! За указанием, значить.

— Понятно. Подождите, как это весточку прислали? Вестовым? Их же всего двое?!

Из дальнейших пояснений успокаивающего дыхание (все-таки уже не мальчик быстро бегать) старшего унтера князь опять узнал для себя новое. Оказывается, на заставе есть голубятня на тридцать пернатых тушек и специальный человек при ней (а он думал, это маленький домик на отшибе и даже не интересовался, что там. Каждый дозор, уходя в наряд, берет с собой одного или пару голубей: вдруг один не долетит? Учитывая, что крылатых вестников любили и ждали только на заставе, шанс у птиц исчезнуть по дороге был весьма велик, за ними даже специально охотились).

Вот от седьмого дозора и прилетела «крылатая эсэмэска»: «поймали нарушителя, ждем начальство для разбирательства на месте» — и все, больше ничего и не влезло на маленький клочок бумаги. Унтер, действуя по инструкции и согласно требованиям устава, тут же побежал искать своего взводного — потому как теперь именно тот решал такие вопросы.

Поправив кобуру с револьвером и мимоходом пожалев об отсутствии «калаша» и бронежилета (эх, мечтать так мечтать — и бронетранспортера!), корнет «выдвинулся» к месту мини-ЧП. Конечно, можно было поступить гораздо проще, то есть приказать отконвоировать этого самого задержанного к себе, на заставу, но! Очень хотелось взглянуть на такого занятного зверька, так сказать, в «естественной среде обита-

ния», тем более что все было недалеко и добираться до места полагалось не своими ногами, а конно. Навыки верховой езды были приличными, так что офицер даже удовольствие получил от быстрого галопа.

Нарушитель откровенно разочаровал. И стоило из-за этого вот такой шум поднимать? Под деревом сидел дедушка в заскорузлых от грязи лохмотьях, с землистого цвета лицом и таким ароматом немытого тела, что комары беспомощно кружили метрах в двух, не решаясь подлететь ближе. Документов нет, в ответ на вопросы лопочет всякую ерунду, безбожно мешая польские и венгерские слова, и все время кланяется, как китайский болванчик, тряся зажатой в руках веревкой.

— Докладывайте.

— Слушаюсь! Энтот час назад сам на секрет вышел, ну мы яго и придержали, вот. Она с той стороны к нам шагала... вот. Говорит, коня своо потерял, ишшет.

— Понятно.

Отойдя в сторонку, кивком подозвал старшего унтера:

— Что скажете, Семен Василич?

— А чего тут, и так все ясно. От несунув он тута ходит, высматривает, вынюхивает.

— От несунув?

— Ага. Это мы так этих... как яго... кон-тра-бан-дистов — во! — по-простому зовем. Ходят такие, выглядывают, где секреты засели, а потом все несунув подробно обсказывают за денежку малую. Бывает, еще собачку ученую впереди пустят или мальчика несмышленного. Всяко исхитряются, сволочи!

— Так! И что делают с такими?

— Дык что, взашей его, и всех делов. Гумагу на него еще изводить, мороки больше.

— Тогда так. Ему (кивок на бомжеватого вида дедушку) оформите пинок пониже спины, секрет на другое место. Верно, Василич?

— Так точно, вашбродь!

Старший унтер энергично раздал ценные указания, и, уже отъезжая, корнет увидел размашистое «напутствие» тяжелым сапогом в исполнении старшего дозора.

ГЛАВА 7

К концу лета Александр уже сбился со счета — столько он повидал нарушителей. В основной своей массе они не сильно отличались от того самого бомжеватого дедушки-«коневладельца». Все как один плохо говорили на русском, невыносимо страдали от потери своей четвероногой собственности (вот тут было некоторое разнообразие — кто-то искал корову, а кто-то и козой обходился) и старательно кланялись при виде офицера, который теперь к ним близко и не подходил (одного раза хватило за глаза). Контрабандисты тоже попались, целых пять штук: в первый раз, несмотря на то что их было четверо, обошлось по-тихому (трудно спорить, когда на тебя берданку наставили и только и ждут повода спустить курок), а вот во второй раз пришлось немного пострелять — уж очень шустрый несун попался, полчаса за ним бегали.

Солдатам очень понравилось выражение «оформить пинка», и данное действие быстро стало одной из негласных, но просто-таки обязательнейших традиций. Еще больше им понравился другой приказ корнета: тех задержанных, кто покрепче, отпускать только после сеанса «трудотерапии» — дров натаскать или песка с щебнем для отсыпки дорожек, с выгребными ямами вдумчиво поработать, сена покосить, мусор какой убрать, подмести. Занятие находилось всем, а уж как укрепился авторитет командира второго взвода! Тем более что все уже попривыкли к тому, что именно он постоянно находится в отрядной канцелярии или где-то рядом, в отличие от штаб-ротмистра Блинского или корнета Зубалова. Командир заставы своим присутствием ее обычно не баловал, отметится на утреннем разводе — и в Ченстохов, по важным и неотложным делам (по слухам — новая пассия) или на отдых от важных дел. А его благородие корнет Зубалов жил и служил (и даже дышал) в ожидании отставки и лишнего на себя не брал: с утра в канцелярии, потом объезд дистанции, и все — остаток дня «дежурил» на своей квартире. А меж тем причины такого повышенного трудоголизма князя были донельзя банальны: во-первых, в канцелярии было прохладно, а на улице и в тени доходило до плюс тридцати. Солдатам